

ВРЕДИ

НЕЗАВИСИМАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№ 54

II октября 1991 г.

- Комментарий текущих событий в куплетах Аркадия Врабия. «Не возьму в руки «Взгляд». (Стр. 2)
- Михаил Александрович признается в любви к СССР. (Стр. 3)
- Алла Иошпе и Стакан Рахимов: «Мы молились Богу с разноверующими и разноязычными людьми. Бог помогает нам». (Стр. 4)
- На исторической родине старая еврейка лишена права быть похоронена на еврейском кладбище. (Стр. 5)
- Израиль поможет врачам Грузии и Узбекистана освоить современные методы предотвращения бесплодия. (Стр. 6)

МИРАЖ ИЗ ГОБЕЛЕНА

На улицах мальчишки продавали «Биробиджанер штерн», а в «литературной гостиной» редакции в стенах, обтянутых гобеленом, в креслах под «аля-уют» каждый день встречали гостей и поднимали бокалы «За расцвет еврейской культуры» и, конечно же, за саму газету, как за «оазис» этой «культуры» на территории нашей необъятной родины.

Цветы газете «Биробиджанер штерн!» — крикнул один из ведущих III фестиваля еврейской музыки и песни. Очаровательные девушки внесли в зал цветы, а все те же мальчишки отрепетированно прокричали: «Читайте фестивальный номер!». И я попробовал читать газету. Две полосы (одна на русском, другая на еврейском языках) были ничем иным, как программой фестиваля, исполненной без особой фантазии. Здесь были также перечислены поименно спонсоры фестиваля. Одну страницу сотрудники «Штерна» без лишней скромности посвятили собственной рекламе, где опровергали

народную мудрость: «Дорого — мило, дешево — гнило», и еще одна страница была отведена под соло самого редактора Владимира Белинкера, где он интервьюировал председателя горисполкома Виктора Болотнова...

И стало мне непонятно, что же конкретно празднует «Биробиджанер штерн»? Если день редакции, так еще не время, если эпоху собственного расцвета, так, судя по газете, тоже пока не наступила.

Цветы, бесплатное шампанское для тех, кто придет на праздник в парк, десятки тысяч рублей, истраченных на постановку шоу и создание интервью «литературной гостиной», шестьсот тысяч дотаций в год с барского плеча областной администрации. За что? Только за то, что еврейская; только за то, что несколько изрядно уставших ветеранов из дня в день трудятся над переводом материалов ТАСС и ИАН, или, может, за то, что в отдельных номерах ни одной собственной информации ни на русском, ни на

еврейском языках, или за то, быть может, что под видом удобства для читателей в одном номере огромные материалы идут на русском и идиш одновременно, и непонятно, чем в это время заняты остальные сотрудники «Штерна»?

Владимир Белинкер без устали повторяет, что газета становится на ноги, ее начинает любить читатель. Господи! Ведь это даже не мираж, который приходит к человеку в пустыне на исходе сил. Это даже не самообман голого короля... Это не смешно, в конце концов. Какая еще газета с тиражом в тысячу экземпляров, стоимостью в пять копеек, бесформенная, напичканная сборной солянкой, может позволить себе роскошьаждому десятому подписчику давать выигрыши в сто рублей?..

Я представляю, с каким негодованием прочтут эти строчки в «Биробиджанер штерн», и заранее прошу прощения у коллектива за резкость. Быть может, все не так уж и плохо в газете, как мне иногда кажется. Но,

коллеги дорогие мои, все, что вы делаете, и все, к чему стремитесь, требует не пышных шоу, а работы над материалами и проблемами, которые вы в них, истинно, редко поднимаете; работы над оформлением газетной полосы, работы над публицистикой и литературой, но не над оформлением литературной гостиной, в которой и без гобелена могло быть вполне уютно.

И вовсе я не против того, чтобы газете давали дотацию для улучшения материальной базы, повышения зарплаты сотрудников. Но тратить эти деньги на бессмысленный блеск я бы не стал на вашем месте. Ибо не этим газета завоевывает читателя. Даже если в нынешнем году найдутся еще охотники выплатить на год дешево программу телевидения (а если повезет, то получить выигрыши), то год грядущий может стать последним годом. Я искренне желаю, чтобы этого не произошло.

С уважением к работникам «Биробиджанер штерн»

А. ДРАВКИН.

СТОП-ВЗГЛЯД

Первое желание — отвернуться и уйти, закрыть глаза и не увидеть. А он есть, живет среди нас. Хороший, плохой, но человек. Быть может, у него болит что-то...

В ПОСЛЕДНЮЮ

МИНУТУ

ПРЕСТУПНЫЙ МИР РАЗОЧАРОВЫВАЕТ...

Нет, здесь явно чего-то недодумали, решив часть площадей книжного магазина отвести коммерческой торговле. Именно в этом месте романтика преступного мира все больше разочаровывает своим примитивизмом.

Очередное проникновение в магазин «Люкс» показало, что воры не интересуются даже детективами, которых в книжном немало.

Приехав на место происшествия, сотрудники вневедомственной охраны обнаружили, что преступники приготовили к выносу кроссовки, штаны, юбки... Банально.

...И МЕЛЬЧАЕТ,
КАК ВСЕ ВОКРУГ

Малолетние злоумышленники, нынешней ночью проникшие в магазин «Стимул», попались на крючках и лесках. Эти дефицитные товары сотрудники милиции обнаружили у них при задержании на... хлебозаводе, куда, как известно, тоже не ходят за красной игрой. Мельчает преступный мир...

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

«ШТЕРН» БЫЛ ОБМАНУТ САМИЗДАТОМ»

Я бы хотел дополнить сказанное редактором Школьником в его недавней публикации по поводу материала газеты «Биробиджанер штерн» «Разговор с матерью», который, как предполагается, был написан Маргаритой Алигер. Совершенно очевидно, что «Штерн» был обманут теми же самыми мистификаторами, которые долгие годы проникали через круги «самиздата» как в Советском Союзе, так и за границей.

Ссылки на поэмы Алигер и Эренбурга давным-давно появлялись также и в довольно авторитетных английских изданиях советской поэзии. Я совсем недавно говорил в «Штерне» об этом. Это было сразу же после того, как появилась эта публикация в номере от 17 сентября. Я знал об этом точно, так как в своей докторской диссертации я лично перевел довольно большую часть из поэмы «Твоя победа», оригинал которой был опубликован в довольно известном московском журнале в 1948 году. Но с тех самых пор я никогда не имел возможности увидеть версию ответа Эренбурга, и я бы очень был признателен информации по этому поводу.

С уважением Бернард ЧОСИД.

БЛОКАДА ДЕТСКОГО САДА

Дети — наши цветы! Дети — наше будущее! Все лучшее — детям!

Об этом мы очень много говорили и в застанные времена, и сейчас, в период пышно расцветающей демократии и свободы. Каждый из нас вдохнул полной грудью воздух свободы. Настолько полно, что даже забыли, что кому-то все же принадлежит власть и существуют какие-то законы, ограничивающие нашу свободу. О чём это я? Да о том, что не чувствуется в городе никакой власти. Ведь мы сейчас очень свободные люди. Захотели — обставили зону отдыха стадиона п/о «Дальсельмаш» гаражами, захотели — взяли блокадным окружением гаражами детский садик № 16, устроили мойку автотранспорта в речушке Безымянка рядом с детским садиком, где все лето купается наше будущее (единственное место, где отдыхают мамаши с малолетними детьми в этом районе). А у городских властей никак не найдется средств очистить и облагородить бедную Безымянку.

«А что вы мне, дорогой депутат, делаете замечание, что вы мне твердите об экологии? Вы бы лучше позаботились об очистных сооружениях п/о «Дальсельмаш». Я своим автомобилем не приношу столько вреда, сколько приносят предприятия нашего города, сбрасывая свои отходы в окружающую среду. Попробуйте накажите меня. Сначала наведите порядок на предприятиях. Согните в городе место для мойки автомашин, для постройки гаражей, оборудуйте стоянки, но а потом предъявляйте свои претензии». Ну что тут скажешь? Так, или приблизительно так, происходят у меня разговоры с владельцами автотранспорта, с которыми часто беседую, а порой и воюю в одинокую для детей, за кусочек земли и воды, где не так давно, в застанные времена, был чистый воздух и дети не вдыхали пары бензина и отработанного газа. Ведь детсад расположен в очень удобном месте. Почему в одиночку? Потому что никому до этого нет дела. Ведь горосвет и горисполком, обладающие властью, никаких мер к подобным явлениям не применяют. В городе нет ни мунципальной, ни санитарной милиции. Жалкие бу-машки, которые развесили ЖКО от имени горисполкома.

кома с предупреждением о том, чтобы убрали гаражи, никакого воздействия не имеют. Ибо тут же рядом, как грибы, выстраиваются новые гаражи, уничтожаются посадки рощиц, деревьев. Так вот и 8-го сентября еще один гараж с мотоциклом «Урал» 02-28 ХГП, уничтожив весной посаженные деревья и винами Советской Армии деревца, пресколько устроился у ворот детсада № 16. Кстати, на глазах у живущих в доме напротив председателей профкома п/о «Дальсельмаш» тов. Крученецкого Р. Ш., профсоюзного лидера области тов. Шермана Я. Б., заместителя председателя горисполкома т. Ляминой В. М. и автора этих строк. Обрастает территория зоны отдыха стадиона п/о «Дальсельмаш» гаражами разных калибров, и все окружающие водоемы превращаются в мойки автомототранспорта. На все это беспомощно смотрят не только жители нашего микрорайона, но и власть имущие. Ну, а дети? Дети наши обречены на выживание. Вот и складывается впечатление, что у местной власти нет никакой власти. Либо она ею не хочет пользоваться.

Ну, а дети то наши — они должны быть здоровыми. С. ТЕРЕЩЕНКО.

контролер ОТК п/о «Дальсельмаш».

ПРОЙДЕТ ВРЕМЯ ГОРБАЧЕВА, И ВАМ СТАНЕТ СТЫДНО

После вашей публикации «портрета» В. И. Ленина больше я вашу газету в руки не возьму. Вместо того чтобы дать оценку сегодняшнему положению дел, вы сваливаете вину на того, кого уже давно нет в живых. Пройдет время Горбачева, и потом вам самим станетстыдно за свои поступки. У вас не осталось ничего святого.

МИХАИЛОВ,
рабочий.

ОДНА ЧЕЛОВЕЧЬЯ СИЛА...

Вам, пожалуй, еще не приходилось читать вот такие краткие сообщения в периодической печати: «В продовольственных магазинах города Б. недавно появились красочно оформленные витрины со снимками животноводческих ферм, зерновых токов и других производственных объектов сельскохозяйственного назначения. Работники прилавка довольны: теперь покупатели перестали предъявлять к ним необоснованные претензии по поводу скучного ассортимента в магазинах. Горожане убеждаются, что называется, собственными глазами, что материальная база деревни пока просто не в состоянии обеспечить нам продукцию изобилия. Сейчас в Бской области рассматривается вопрос о распространении опыта работников торговли в сфере наглядной агитации. Уже до конца текущего года в красных уголках большинства совхозов будут оформлены витрины с фотографиями пустых прилавков и длинных очередей в специализированных магазинах «Молоко», «Мясо», «Овощи» и т. п.».

А что? В самом начале перестройки, возможно, и стоило бы пойти на такое освещение привычной для нас «наглядной агитации». Но иначе агитация уже никого не спасет и никому не поможет. И пока сторонники перестройки за одним столом с ее противниками гадали, с чего ей начинать, ситуация в экономике попросту успела выйти из под контроля. И не только выйти, но и довольно далеко уйти.

Но я пока кто-то там не мечтаю пути и методы перехода к рынку, рынок не идет. И обстановка в аграрном секторе экономики сейчас выглядит приблизительно так же как горюческой базы в воскресный день в городе — пустота в государственных магазинах и неизвестная толпа на рынке. А пока что-то там не может. Здесь также поправки на инфляцию не предусмотрены. Предлагают, что этак через два-три года совхоз или колхоз просто погибнет. Если, конечно, все оставить так, как оно есть сегодня... (Ну, а кто же откажется рубить сук, на котором сидит?).

Я не думаю, что руководители наших агропромышленных компаний хотят улучшения или усиления. Хотя, конечно, не могут. Помимо, они так любили пожалеть о своем «застое» и прибавлять оттеление «так называемый». И им ничего, понятно, не осталось, как организовать на селе точно такую же, то есть «так называемую» перестройку. Итог ее — налицо. Дважды два всегда только четыре. А кто это себе еще не чинил, то пусть сегодня «достанет» отменить в наших магазинах продовольственный дефицит.

В. ФОМЕНКО.
комментатор областного радио.

ХЕХЦИРСКИЕ ЧАСТУШКИ

На Хехцире мы живем,
Все с горушки видно:
Олезатали крайком;
Плачет Цой — обидно...

Едосталь благ и средств
нахапав,

Бросив честь

в канализацию.

Все хабаровские «паны»

Подались в ассоциацию.

Чем элита знаменита?

Тем, что есть и пьет

досыта.

В белых ручках

«Мерседес»

И билет КПСС.

По совету Пиночета

Захватила хунту власть.

Но успела хунта эта

Лишь в штаны свои

науласть.

Двое суток «воевали»
Депутаты с пунктами,
А на сессии сказали,
Что сражались с хунтою.
Русь у теликов смеялась:

Петросян — что бестия...

Но смешнее оказалось

Краевая сессия.

Данилюк подал

в отставку —

Взвыли консерваторы,

Но потом внесли

«поправку»:

— Колю —

в губернаторы..

Получив в Москве задачу

И бутылку коньяка,

Пригласил друзей на дачу

Пить за хунту и ЦК.

Записал

Аркадий ВРАБИЙ.

г. Хабаровск. 1991 г.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

СОВЕТСКИЙ ЭМИГРАНТ ПРИЗНАЕТСЯ В ЛЮБВИ К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

В начале 50-х годов на концертных площадках Москвы появился новый исполнитель — Михаил Александрович. Вскоре он стал одним из самых «громких» гастролеров. Его имя два десятка лет не сходило с афиш разных городов страны, голос звучал в радио- и ТВ-эфире, с грампластинок общим тиражом более миллиона экземпляров.

В 1971 году Александрович исчез. Позже в советских газетах промелькнуло несколько сообщений о его появлении в Израиле, США, ФРГ...

Спустя 20 лет после внезапного исчезновения певца наши корреспонденты встретились с ним в Москве.

— Родился я в глубокой провинции, в местечке Бергспильс в Латвии в 1919 году. Нас в семье было пятеро детей. Мать с ранних лет воила нас в синагогу. Отец мой, не будучи музыкантом, заметил, как я, приходя домой, всякий раз на свой особый лад напевал литургические песни. Он решил во что бы то ни стало дать мне музыкальное образование. Родители собрали все свои сбережения, и семья переехала в Ригу. Там меня отдали в народную консерваторию, которая содержалась на деньги еврейской общественности. Мой педагог, который руководил хором мальчиков в синагоге, выделил меня среди других воспитанников и стал заниматься со мной индивидуально. Он же организовал мой первый сольный концерт. Публика была в восторге: восьмилетний мальчик, стоя на стуле, в течение двух часов исполнял произведения Шумана, Шуберта, Моцарта, Глинки, Годара, Бетховена, еврейские народные песни. Это было феноменально: известные имена юных скрипачей, пианистов, но среди вундеркиндов я был первым певцом. О Робертино Лоретти мир узнал лишь спустя четверть века...

До начала Второй мировой войны я служил канторм в синагоге. Потом выступал на фронте перед солдатами. В 40-е годы синагоги начали закрывать, и я стал в Риге давать сольные концерты. В начале 50-х меня пригласили на гастроли в Москву, но у того было со мной дальше, вы уже знаете.

— Огромная популярность, звания заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР — Вы были достаточно обласканы славой. Почему же решили эмигрировать?

— Да, мне грех обижаться на Советскую власть. Я объездил весь Союз. Но между моими песнями и остальным миром возник непреодолимый барьера. Этим барьера стала государственная граница СССР. Многие другие артисты, даже менее талантливые, выезжали на гастроли за рубеж. Я же не был включен в список артистов, которым разрешалось выступать за границей. В Министерстве культуры — его возглавляли по очереди Александров, Пономаренко, Фрунзе — мне говорили, что на меня «оттуда» нет заявок. Позже, когда я уехал, я убедился, что это была грубая ложь. Многие иностранцы, которые бывали на моих концертах в Союзе, пытались договориться с министерством о моих зарубежных гастролях. Почти не было стран, куда бы меня не хотели привлечь.

Я думаю, что главной причиной для чиновников министерства была моя национальность. На концертах иногда на бис я исполнял еврейские народные песни. Правда, я «без разрешения» исполнял и русские, и украинские, и грузинские песни — всего на двадцати языках народов мира. В те годы подобные вольности не поощрялись. Подбор репертуара не был личным делом исполнителя, он строго регламентировался различными инстанциями. Я больше не мог работать в таких условиях, поэтому решил уехать в Израиль.

— Тогда Вы, наверное, ненавидели страну, из которой уезжали?

— Я никогда не испытывал ненависти к Советскому Союзу. Даже несмотря на то, что после моего отъезда в советских газетах было много клеветы обо мне. Меня считали

врагом, предателем, сочиняли небылицы о том, что я идиот. Один корреспондент даже рассказал историю о встрече со мной в западноберлинской синагоге, где меня слушали полсотни человек. Потом он сделал вывод, что я там никому не нужен, что я еле-еле зарабатываю себе на жизнь. А я, на самом деле, вообще ни тогда, ни еще много лет спустя не был в западном Берлине.

Но я не считаю себя политическим эмигрантом. Я имел в Советском Союзе все то же, что имею сейчас на Западе, только там такой уровень жизни считается нормальным, а тут — это гораздо выше нормы. Где здесь я не мог петь все, что я хотел, а мой народ не мог свободно развивать свою культуру.

— Шереметьево — граница, за которой Вы обрели свободу. А что дальше? Как сложилась Ваша судьба? Вы нашли то, что искали?

— Да, я был счастлив в Израиле. Со мной уехала вся моя семья: мать, братья, жена с дочерью. Все нашли себе дело по душе. Братья живут там до сих пор: один работает коммерческим директором большого универмага, другой — хороший экономист... И я занимался там любимым делом.

ИЗ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПРЕССЫ

«Сладковознущий бархатный голос Александрович! Его лирический, бархатного тембра голос проникает в самое сердце. Прошло много времени с тех пор, как я слышал такое выдающееся исполнение лирических произведений, позволяющее слушателю понять каждое слово и оценить поэтическое содержание арий Стателла, Моцарта, Доницетти, песен Шуберта, Чайковского, Шостаковича, неаполитанского репертуара, а также испанских песен. Он превосходен в еврейских песнях и литургических произведениях».

(«Маарив»).

— Почему же Вы тогда переехали в США?

— Дело в том, что Израиль — маленькая страна. Достаточно было дать 5—6 концертов, чтобы тебя послушали все желающие. Возможности творческого роста там ограничены. Один-два раза в неделю я проводил литургические песнопения в синагоге. А мне хотелось выступать с концертами, вновь и вновь встречаться со зрителями. И я уехал в Америку. Главной проблемой было то, что меня не знали на Западе, и мне пришлось начинать все с самого начала. Тем советским артистам, которые получили мировую известность, выезжая на гастроли за рубеж, в эмиграции было намного легче. Когда я приехал в США, мне было уже за пятьдесят. А в этом возрасте там не начинают карьеру. Будь ты даже гением, ни один менеджер не возьмется за организацию твоей концертной деятельности. Публика моя была немногочисленной, в основном — русские и евреи из России. В Америке я тоже служил канторм и ездил с концертами в Канаду, Израиль. Меня приглашали на ежегодный Моцартовский фестиваль в Нью-Йорке.

ИЗ КАНАДСКОЙ ПРЕССЫ

«Не так часто бывает, чтобы, возвратясь с музыкального выступления, ты готов взять словарь синонимов и отыскать слова в превосходной степени — такова была моя реакция вчера вечером на необычайный концерт, данный Михаилом Александровичем в Театре «Мэзонен!». («Вэзэтт», Монреаль).

— На Западе любят говорить о великой загадке «русской культуры». Газета «Нью-Йорк Таймс» назвала Вас одним из лучших хранителей культурных секретов России. В чем, по-Вашему, эти секреты, и как Вам удалось их сохранить вдали от Родины?

— Американская газета имела ввиду совершенно другое, произошел курьез с переводом этой фразы на русский язык. «Нью-Йорк Таймс» писала, что Александрович — один из спрятанных культурных секретов России, до эмиграции, разумеется.

А если говорить о русской культуре, нет ни одного оркестра, который не исполнял бы произведений

что на концерты придут только пожилые, те, кто еще помнят меня. Но в залах я увидел юные лица. Некоторые потом приходили ко мне за кулисы, говорили, что не знали, что есть такой певец Александрович. И благодарили. Меня это удивило, потому что новое поколение, в основном, воспитано на другой культуре, на их головы льется поток современной поп-музыки.

Мне кажется, что сегодня молодежи особенно не хватает классики. Я убедился в этом, когда увидел неподдельный интерес молодежи к моему репертуару.

из АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ:
«Как интерпретатор мистер Александрович очень ладил и исполняет каждую песню с наибольшей утонченностью. Он — певец, обладающий индивидуальными качествами».

(«Нью-Йорк Таймс»).

— Вы довольны своей судьбой? Если бы можно было еще раз повторить выбор, что-нибудь изменили бы в своей жизни?

— Если бы я начал жизнь сначала и если бы все сложилось так же, я был бы доволен. Лучшего и не могло быть, потому что только в такой стране, как Советский Союз, такая жажда музыкальной культуры, такая потребность в ней могли мне дать такую славу и такое положение.

А там этого уже не было: исполнителей итальянской песни у них своих достаточно, любителей русского романса нужно специально искать. Так что здесь мне было гораздо легче.

— Вы не жалеете, что уехали?

— Хотя я не сделал той карьеры, о которой мечтал, я не пожалел, что я — там. Я лишь все время испытывал желание общаться с моими зрителями, и я счастлив, что я получил сегодня такую возможность.

— Какое Вы видите будущее у России и у Советского Союза?

— Я — оптимист. Все будет хорошо, все будет в полном порядке. При мне или после меня, по все обрадуется. Переломы всегда были в истории. Он и сейчас происходит. И все закончится благополучно.

— Приедете еще в нашу страну?

— Я не гордый человек, пригласите — приеду.

С кем из советских эмигрантов Вы поддерживаете отношения за рубежом?

— Те музыканты, с кем я общался здесь, сейчас заполняют оркестры разных стран. Советские исполнители — самые желанные, они побеждают во всех конкурсах в лучшие оркестры. И очень мало могу встречаться с ними, потому что мы живем разбросанными по всему миру.

Изредка встречаемся с Ростроповичем, мы остались очень большими друзьями. Я встречался с покойным Кондрашиным, он был моим дирижером в Москве. А так, мимоходом, встречаюсь, когда приезжают на гастроли. С Зыкиной мы повидались однажды в Америке.

— А в Москве с кем-то из композиторов, исполнителей Вы встречались?

— Только с теми, кто приходил на концерты. Мы по телефону разговаривали с Хренниковым, Юзефовичем, очень дружим с Пахмутовой. Но, к сожалению, здесь не было времени с ними общаться. У меня в программе 12 концертов за 20 дней — в Москве, Евпатории, Волгограде, Челябинске, Кургане...

Вы сказали, что близко знакомы с Хренниковым. Когда вы жили и работали здесь, он уже тогда руководил Союзом композиторов. Он не пытался помочь вам организовать зарубежные гастроли?

— Нет, мне никто не помогал, кто только мог — мешал. Хренников был нейтрален, безучастен. Это было очень хорошо, я больше ничего не хотел от коллег. Я ему сегодня благодарен за то, что он не помогал «душить» меня.

Специально для «Взгляда» интервью взяли Валерия ХАБИЛЕВСКИЙ, Евгения РАХМАНА.
Москва, 1991 год.

ИЗРАИЛЬСКОЕ КИНО В МОСКВЕ

Жизнь, как она есть, — так говорят о фильмах Амоса Гитая, израильского кинорежиссера, ретроспектива фильмов которого впервые проходит во Всесоюзном киноцентре в Москве. Амос Гитай, как гражданин Израиля, считает, что имеет право быть критичным и честным по отношению к своей культуре и своей стране. «В XX веке необходимо любить свою культуру и ни в коем случае не быть шовинистом», — сказал он на открытии ретроспективы. — В наше время необходимо избегать приверженности узким доктринаам, но при этом иметь свое мнение».

Амос Гитай привез в Москву и документальные фильмы, среди них есть работы, знакомые зрителям многих стран, и такие, которые в Израиле показать не удалось. Это фильмы «Дом» и «Вади», раскрывающие тему взаимоотношений израильтян и палестинцев, взаимоотношений, которые художник выводит на уровень сознания человеческой судьбы в мире. Отсняты они в 1989 году, воистину о жизни, как она есть. У зрителя создается впечатление, что режиссеру нужно было лишь найти то место, где скрещиваются судьбы людей, и... включить камеру.

Наша страна уже, похоже, прошла период игнорирования Израиля, и, как говорит Амос, «израильское кино в Москве — это маленькая победа, но и это путь к взаимопониманию».

О. ТАРЫНИНА.

Галина ГИДИНА

РУФЬ

«...да будет тебе полная награда от Господа, Б-га Израилева, к которому ты пришла...».

Книга Руфь, Глава, II, ст. 12.

Отречься от отца, от матери уйти и душу посвятить изгнаннику-народу... И нет с тех пор конца пустынному пути, и передышки нет

извечному исходу. Ты не сочтишь потерю, ты станешь сиротой, покорней тростника,

невзрачной повилики. Тебе велят теперь жить только за чертой, указанной перстом чванливого владыки.

Куда ты, Руфь, куда?.. Как по лицу хлыстом, по сердцу полоснет

зловещее название: «погром»! Пройдет орда, чтоб разорить твой дом и маленькую дочь забрать на поруганье.

Куда ты, Руфь, куда?.. Там горе впереди: кругом зияют рвы, горят Требники печи, лоскутная звезда

желтеет на груди —

жестокую судьбу взвалила ты на плечи. Твой путь — не крестный путь, он горше во сто крат. Уже родной очаг скрывается из виду, не поздно повернуть! Ступай скорей назад!.. ... Но кто подарит жизнь наследнику Давиду?.. *** Как тот сверчок, не знающий шестка,

я своего угла не заимела. Над головою небо цвета мела, и жизнь моя шершава

и жестока, как жесток тот засиженный шесток, что сдали нам за трешку на ночевку. Здесь хочется намыливать бечевку, а не смотреть с надеждой на Восток. Измученный волчонок — боже мой! — у ног моих склонил и просит ласки. Но пьеса уже требует

развязки: ему пора в леса, а мне домой. Вина ли беса, прихоть ли

Творца — мы встретились под знаком гексаграммы, соорудив комедию из драмы, в которой нет начала

и конца. И в белом небе синяя звезда, взошедшая над нами раньше срока, надежней предсказания

пророка укажет нам дорогу в никуда. Я не умру. Я снова запою о том, чего со мною

не бывало. Но только ветер, волчий подпевала, услышит эту исповедь мою.

Всевышний, упаси меня

закрыт еврейский театр. Мы все это прекрасно знали, только делали вид, что никого ничего не понимает. Мы, кстати, были детьми и действительно мало что понимали, но все и тогда чувствовали, что, когда притесняют одну нацию, не за горами и притеснение всех остальных народов. Поэтому то, что сейчас происходит здесь, в Биробиджане, говорит о свежем воздухе, который проник сюда.

Корр.: Как давно вы поете еврейские песни?

Алла Иоши: Совсем недавно. Совсем недавно мы поняли, что эти песни нужны, и стали работать над ними, и я очень благодарна Стахану, которого я очень уважаю как певца, что он отдает всю душу и весь свой талант изучению и исполнению еврейской песни.

Стахан Рахимов: Я должен сказать, что мы участвовали во многих фестивалях. Раньше вообще такая традиция была (к сожалению, забытая всеми): проходили декады искусства какой-либо республики, и все это было здорово, способствовало тому, что как-то пропагандировалось национальное искусство. Думаю, что нынешний еврейский фестиваль может подтолкнуть к тому, что будут еще и другие фестивали, других народов. То есть люди возвращаются к тому, что ими забыто, ведь говорят: «Хорошо то, что забыто...».

Биробиджан нас принял так тепло, что, думаю, мы еще не раз приедем сюда в будущем, и не только на фестиваль.

Корр.: Пройдя через множество мытарств в Советском Союзе и снова встав на ноги, расстались ли вы с мыслью об отъезде или она по-прежнему не покидает вас?

Алла Иоши: В последнее время мы об этом почти не думали и уже становились счастливыми в той

мере, в которой могли бы быть счастливы. Но нас привели в шок и ужас дни августовских событий. Мы были непосредственно в самой гуще этих событий, и вовсе не потому, что мы такие смелые, а потому, что наш дом на улице Качалова в самом центре Москвы. Помню, как я выскочила на улицу, потому что было страшно после всего, что услышала по радио. Как мы теперь будем жить? И первое, что я увидела, выйдя из наших ворот, — это был танк. Я уже поняла, что нам здесь не жить. Первая мысль, которая пришла в голову — побыстрее схватить своих детей, свою маму и скорее вехать куда глаза глядят. Но потом я увидала, что это невозможно, потому что все люди, у которых остался кусочек души, полны желания отстоять то, что с таким большим трудом каждый из нас завоевал. Поэтому мы с большой радостью и счастьем пели на концерте в Белом доме, молились Богу вместе со всеми разноверующими, разноязычными людьми. И мне кажется, Бог все же нам помогает. Аминь!

А. ГОРЯЧЕВ.

Всякая всячина

«СЛУХИ О НАШЕЙ СМЕРТИ НЕСКОЛЬКО ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ»

говорит главный бухгалтер областного отделения ДОСААФ Н. А. Маламут.

Как выяснилось, ДОСААФ никто и не думал распускать. Просто 27 сентября на проходящей в городе Пензе российской конференции этого общества было решено реорганизоваться в ОСТО (оборонно-спортивную техническую организацию).

Цели, задачи, кадры, помещение, имущество у новорожденной организации те же, что и у ее предшественницы.

«ЛАЙФ ИЗ ЛАЙФ»

Атласной тусовкой завершился фестиваль еврейской песни и музыки. На «задворках» фестиваля (в последний его вечер) у входа в филармонию клено расположились фаны, маши и другие крутые и некрутые мены, чтобы вместе с бравыми диск-джокеями покайфовать под отечественную и зарубежную попсу. Пиллы весьма однозначно восприняли бесплатный способ для кайфа: «Тусовка-ас!»

А. МИГУНОВ.

На сессию попечительского совета Союзного в Иерусалим приехали два сопредседателя так называемого «Ваала» — объединения еврейских организаций в Советском Союзе — Михаил Членов и Иосиф Зисельсон. Членов заявил, что не следует принимать решения о советских евреях без участия самих евреев СССР. Советское еврейство, по его словам, больше не является разрозненной группой, нуждающейся в руководстве извне.

Как сообщает корреспондент газеты «Джерузалем пост», бывшая узница Сиона Ида Нудель критически отозвалась о позиции, занятой Членовым и Зисельсоном.

По ее мнению, тенденции к развитию организованной «еврейской жизни» в Советском Союзе лишь заставляют в тупик, и это напрасная траты времени и денег.

«Нет смысла, — сказала она, — создавать в Советском Союзе еврейские организации для того, чтобы попытаться внедрять сионизм. Я согласна с Жаботинским в том, что для евреев лучшее воспитание — это когда его бьют по голове. У евреев Америки имеется все: раввины, книги, еврейская гордость. Но американские евреи не едут в Израиль. Зачем создавать такую же ситуацию в Советском Союзе?»

Лидеры «Ваала», считает Ида Нудель, не собираются депатрироваться в Израиль, они хотят лишь создать еще одну еврейскую бюрократию. Еврейскому народу, по ее словам, это не нужно, и соответствующие денежные средства можно было бы с большей пользой израсходовать в Израиле.

Похоронен в Биробиджане

(Окончание.
 Начало в № 53).

Начальник управления, полковник МВД, с которым я тоже встретилась, заявил мне, что Муля — преступник-рецидивист, бежавший из заключения, и так далее. Я упрашивала его как могла, пока он не пообещал мне, что все-таки представит дело Мули в суд. В ближайшие дни суд должен был отправиться в поездку по лагерям, чтобы разобрать дела некоторых заключенных. две недели я провела в Чите в бесконечной беготне, пытаясь обеспечить согласие всех тех лиц, от которых зависело, чтобы Мулино дело было представлено на рассмотрение суда в лагере Балей. Кажется, все было уплачено.

Когда я вернулась из Чите в Балей, меня ожидал страшный удар: Мулю переводят в Нерчинск. Опять начали я умолять, чтобы его оставили в Балее на несколько дней, пока не придет суд. Но все было напрасно. Намерения начальства были ясны: помешать рассмотрению дела в суде. Итак, Мулю отправляли на открытом грузовике в Нерчинск, за 100 км, при 40-градусном морозе.

После долгих стараний я получила разрешение еще на одно свидание перед отправкой его в Нерчинск. В сибирскую пургу я отправилась пешком в лагерь. Пять часов блуждала без дороги, думала уже, что погибну в этой снежной пустыне. Когда я уже совсем была на грани изнеможения, мне вспомнился на мое счастье человек, который привел меня в лагерь. Свидание с Мулей мне дали в рамках общего свидания других заключенных с родственниками. Заключенные тесно стояли все вместе напротив родственников. Все громко говорили, перекрикивая голоса.

рили, перекрикивая голоса соседей. Муля выглядел страшно. Очевидно, его физическое состояние тяжело отразилось на душевном состоянии. Сколько я умоляла его, чтобы он прекратил морить себя голодом! Он стал кричать на меня: «Это единственный способ! Я себя знаю, я сильный, я выдержу!» и не хотел меня слушать.

Затем я успела в Нерчинск, чтобы выяснить, что там можно сделать для него. Там я встретилась с женщины-врачом, которая лечила Мулю и знала его состояние. Она сказала мне откровенно: шансов на выживание нет. Но я не переставала, металась по разным инстанциям в Чите, Балее, Нерчинске. В конце концов мне опять пообещали, что Мулино дело будет представлено в суд на рассмотрение. Но это был лишь жестокий обман.

Прошло уже 40 дней с тех пор, как я оставила своих детей в Риге. Отпуск у меня был всего на 2 недели. Я боялась, что потеряю работу. Приходилось возвращаться. Я пошла еще на одно свидание с Мулем. Боялась, что это будет наша последняя встреча. Так и случилось.

Опять стоял передо мной скелет человека, слабый и отчаявшийся. Опять уговаривала его прекратить голодовку. «Сейчас многие освобождаются. Есть шанс, что и тебя скоро освободят», — повторяла я ему. На этот раз он согласился со мной и обещал прекратить голодание. Я опять отправилась в Чите, чтобы попасть на прием к большому начальнику, ответственному за лагеря Читинской области. Я пожаловалась ему, что меня уже несколько раз обманывали,

обещая рассмотреть в суде хоть немного выздороветь. О

дело об активировке брата. Этот офицер ответил мне с грубой жестокостью: «Все это сделано с моего ведома. Мы знаем, что ваш брат на мерено морит себя голодом. Он большой преступник. Я не хочу, чтобы его освободили из лагеря. Мы отправим его в больницу в Хабаровск, и там его вылечат. Потом опять будем его воспитывать».

На обратном пути я задержалась в Москве. Там я опять стала бегать по различным учреждениям, чтобы пожаловаться на самоуправство местной администрации в Чите, Балее и Нерчинске. Это было последнее, что я могла сделать.

Через некоторое время Мульку перевели в Хабаровск. Оттуда пришло от него еще несколько писем. 4 месяца пробыл он в хабаровской больнице и опять был взят на этап. Перед выездом, в четверг 28 сентября 1955 года, Мулька отправил свое последнее письмо.

«От всего сердца благодарю тебя за деньги, которые ты мне прислали, но боюсь, что ты отрывешь последние копейки от себя и от детей. Кроме того, ты опять откладываешь свое лечение, а оно тебе необходимо. Об этом уже надоело тебе напоминать. Поэтому хотя деньги мне очень помогут, каждый литр молока, который я за них покупаю, застревает у меня в горле.

Это мое письмо — то самое, которое я обещал тебе в моей второй телеграмме. В ней я сообщал тебе, что в ближайшие дни мой адрес изменится, но до сих пор еще не знаю как. Может, в конце письма смогу что-нибудь сообщить... Все мои мысли и усилия направлены сейчас на то, чтобы окрепнуть.

Я изо всех сил стараюсь обещая рассмотреть в суде хоть немного выздороветь. О

полном выздоровлении говорить не приходится, поскольку врачи заявляют, что в этих условиях они не могут меня вылечить. Насчет переезда в новую больницу — восьмую на моем счету, — хочу надеяться, что доеду живой. Что бы ни случилось, нельзя терять надежды. Хоть я по-прежнему страдаю, я все же крепну. Не хотелось писать тебе об этом, но если я тобой от тебя откровенности, то я сам хочу служить примером... Больше о себе добавить нечего, ведь ты знаешь мое состояние».

Письмо оборвано, нет ни прощальных слов, ни подписи. На следующий день после того, как это письмо было написано, Мульку взяли в последний этап — из Хабаровска в Биробиджан!

О последних днях Мульки стало известно от очевидца, татарина Алиева, его товарища по больнице и этапу. Больных поместили в закрытый вагон. Каждый получал продукты сухим пайком. В вагоне не было ни врача, ни сестры, никого, кто мог бы оказать хоть какую-то помощь тяжелобольным. Этап длился 7—8 суток. Когда поезд остановился на станции Бира, больные были в полном изнеможении. Мулька был в состоянии агонии. Его друг татарин нашел его без сознания. Алиев сидел у Мульки койки по последнего его вздоха. Случилось это в ночь с 4 по 5 октября 1955 года.

ЗАКАНЧИВАЕТ РУТ:

«И на первом свидании с Мулем в 1948 году, когда состояние его было удовлетворительным, и на втором свидании, когда я нашла его тяжелобольным, он говорил мне одни и те же слова: «Никто на моем месте не выполнил бы дела так, как я. Даже если бы я знал, что спасу только одного человека и за это меня ждет этот горький конец, — я бы все равно сделал то, что я сделал. Я не раскаиваюсь».

Заканчивались муки и страдания Мульки Ноффе. Здесь описана лишь часть из того, что он делал и испытал.

Авраам ИТАИ,
 Мордехай НЕИШТАТ.

Там в моем еврействе никто не сомневался...

Я репатриант из города Харькова, Коган Владимир Зельманович. Всю свою жизнь я считался евреем, и ни у кого в Советском Союзе на этот счет не возникало сомнений.

Из-за этого меня в свое время не взяли в аспирантуру, хотя я как инвалид войны, хорошо закончивший университет, имел на это внеочередное право. Это существенно замедляло мое продвижение по службе. Спорить было не о чем — еврей со всеми вытекающими из этого в Союзе последствиями.

Но вот я приехал на свою историческую родину и начал оформлять свой туда-занят. И здесь возникли первые в моей жизни сомнения... в моей национальности.

18 июля с. г. я предъявил в Хайфском отделении министерства внутренних дел имеющиеся у меня документы — мое свидетельство о рождении, из которого видно, что родился в 1925 году, отец — Коган Зельман Моисеевич, мать Русаковская Екатерина Абрамовна. Как и во всех метрических, выданных в то время, национальность родителей не указана.

Поскольку в отношении фамилии матери могли возникнуть какие-то сомнения, я приложил ее свидетельство о рождении, из которого видно, что ее отцом был Русаковский Абрам Натаевич, а матерью Русаковская Ева Яковлевна. На это чиновники

отделения мне сказали, что фамилия ничего не доказывает — необходимо, чтобы где-то было сказано, что либо я, либо моя мать — евреи.

Я объяснял, что в Союзе до войны не указывали национальность родителей и что единственным документом, где об этом говорилось, был паспорт, сданный мною при выезде в ОВИР.

«Ну что ж, тогда запишем, что национальность не определена», — заявили мне чиновники.

Я был потрясен. Но, к счастью, для меня нашелся выход. Я предъявил свидетельство о рождении сына, а в нем после войны обязательно указывалась национальность родителей. И вот благодаря этому и было установлено мое еврейское происхождение. Но что было бы, родись мой сын до войны или если бы у меня вообще не было детей?

Как прекрасно, что советское правительство «хорошо» относилось к евреям и после войны везде, где это только возможно, подчеркивало их национальность! Еще раз спасибо советской власти!

Хуже было с моей женой и ее матерью, приехавшими со мной в Израиль. Жена моя — полукровка, ее отец — Савенко, а мать Мендельсон Раиса Михайловна — еврейка.

Жена родилась в 1931 году, на-

циональность ее родителей, как и во всех документах тех лет, не указана.

Естественно, что, получая паспорт в 1947 году, в разгар антисемитизма в России, она оставила себе только отцовскую часть фамилии (двойные в это время уже не допускались), и в паспорте записана русской. Это же оказалось и в свидетельстве моего сына. Все надежды были на ее двойную фамилию в метрике и девичью фамилию матери, указанную в метрике. Но, как сказали чиновники, этого недостаточно. У матери жены свидетельство о рождении пропало во времена эвакуации, а архивы не сохранились. Впрочем, если бы было такое свидетельство, оно бы ничего не дало, так как национальность ни ее, ни ее родителей не была указана. В до-военных свидетельствах даже не предусматривалась графа «о национальности родителей». Имелось свидетельство о ее первом браке, где указывалась ее девичья фамилия — Мендельсон, и свидетельство о втором браке, где она получила фамилию Штейнберг. Ее национальность ни в каких документах, кроме паспорта, не указывалась.

Я объяснял чиновникам, что при выдаче разрешения на въезд в Израиль в консульской группе в Москве проверили ее национальность по паспорту — ведь иначе ей бы не выдали въездную визу, так как по за-

кону о репатриации она не являлась членом моей семьи. Но мои объяснения ничего не дали, и в ее туда-затеут (а следовательно, и моей жене и сыну) будет внесена запись «национальность не установлена», со всеми вытекающими отсюда последствиями, из которых ее наиболее волнует (ей 86 лет, тяжело больная, перенесла онкологическую операцию) то, что она на своей исторической родине не может быть даже похоронена на еврейском кладбище.

Хотелось бы знать, что следует в данном случае предпринять?

А ведь еще полгода назад радиостанция «Голос Израиля», которую все слушали как голос родины, заявила, что теперь для того, чтобы быть признанным евреем, репатрианту достаточно заявить о том, что он себя им считает. И даже фамилия у него может быть нееврейская!

Поднимаемый мною вопрос важен не только для меня, а для тысячи других репатриантов, попавших в такое же положение.

Хочу обратиться ко всем, от кого зависит наша абсорбция: нам, советским евреям, в стране исхода пришлось перенести достаточно неприятностей и унижений. Не добавляйте их для нас здесь — на нашей родине, куда мы так стремились.

Б. КОТАН
 Каирят-Ата.

В понедельник по второй программе в 18.50 на Биробиджанском ТВ — прямой эфир. В передаче из цикла «Лицом к лицу» состоялся разговор о реформе местного самоуправления. В чем примут участие народные депутаты Советов. В этот же день в 17.50 — выпуск «Недели», а в 18.25 — «Музыкальная почта».

Должен заметить, что с приходом нового руководства на ЦТ и образованием «Телевидения России» недельные программы как первого, так и второго каналов существенных изменений не претерпели. Формировать зрительский интерес, давать какие-либо рекомендации — занятие достаточно сложное и неблагодарное. И все же рискнем.

Первая программа грядущей недели вновь потчует нас старым телесериалом. На сей раз это пятисерийный телефильм «Анна Павлова». Много оalletа, броских драматических туалетов начала XX столетия, меценаты, дворцы, палаты, запахи кулис. В этом интерьере — судьба великой русской балерины. Показ фильма — с понедельника по пятницу в 19.30 ежедневно.

Приятно обрадовала строка в субботней программе: 17.30 — «Здравствуй, матушка-Россия», поэт Владимира Соколова, творчество этого своеобразного и очень талантливого человека до сих пор как бы «невостребовано». Хотя есть у него свои читатели и почитатели, думается, что передача эта вызовет желание познакомиться с ним поодинку у многих миллионов телезрителей.

Гадают воскресная программа первого канала. В 10.15 вам предлагается встреча с в. ёвстигнеевым, в. леоновым, Г. ѿрковым, В. Талызиным и другими популярными актерами в фильме «Рязанова «Зигзаг удачи», созданном в 1968 году. почти четверть века, минувшие с премьерой этой ленты до сегодняшнего показа, никак не повлияли на качество актерской игры. Все те же привычные, симпатичные нам лица, все тот же олеск режиссуры. В этот же день в 19.30 — «Человек-амфион» с юными А. Вертиносовой и М. Козаковым. А в 22.00 — второй полуфинал КВН-91.

ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ

Понедельник, 14

11.40 А. Сокуров «Русская элегия», 12.10 Т. Ин. Кр. Телевизионная информационная коммерческая программа, 12.40 Тема с вариациями. «Музыка на воде». Передача 2-я, 13.30 Вести, 22.10 Личное мнение, 22.25 «Пятое колесо», 23.30 Вести, 23.50 «Пятое колесо» (продолжение).

Вторник, 15

11.40 «Пятое колесо», 13.40 Коллаж (реклама, информация, объявления), 13.45 «Было у отца три сына». Тел. худ. фильм, 1-я серия, 14.50 «Запрещенные песенки», 15.20 «Княжна Мери и другие» по лермонтовским местам Кавказа, 16.00 Ритмическая гимнастика, 17.45 Телезко, 20.30 Вести, 21.50 «Очарование русского романса», 22.25 Без ретуши, 23.25 Реклама, 23.30 Вести, 23.50 Театральный разъезд. На спектакле Э. Некрошоса «Нос». 00.55 Чемпионат США по баскетболу среди профессионалов НБА. Финал «Чикаго булз» — «Лос-Анджелес лайкерс».

Среда, 16

11.40 Без ретуши, 12.40 К-2 представляет: «Медна», 13.25 «Займите место на Лимпе», 13.45 Коллаж, 13.50

«Было у отца три сына» (2-я серия), 14.55 Концерт оркестра русских народных инструментов Гостелерадио, 15.50 Тел. док. фильм: «Чудак» (Душанбе), «Алтай. Времена года» (Новосибирск), 17.30 «Клуб путешественников» (с сурдопереводом), 20.30 Вести, 22.10 Программа Фила Донахью, Портрет Элизабет Тейлор, 23.00 «Казачий круг». Док. фильм, 23.30 Вести, 23.50 Визитная карточка.

Четверг, 17

08.30 «Бридж». Телебиржа, 11.40 Футбол. Отборочный матч Олимпиады-92, СССР — Италия, 13.25 Коллаж, 13.30 «В горах Урала». Науч.-попул. фильм, 13.45 «Алмазный пояс». Тел. худ. фильм (1 серия), 14.50 Ритмическая гимнастика, 15.20 «Геннадий Гладков». Фильм-концерт, 17.20 Кинопублицистика союзных республик. «И голос наш услышит мир», 18.10 И. Березовский. Концерт для арфы с оркестром, 18.35 Конный спорт, «Парубийский стиль-чез», 19.20 Футбол. Отборочный матч Олимпиады-92, СССР — Италия, 21.15 Грани, 21.55 На сессии Верховного Совета РСФСР, 22.25 «Пятое колесо», 23.25 Реклама, 23.30 Вести, 23.50 «Пятое колесо» (продолжение).

Пятница, 18

11.40 «Пятое колесо», 13.40 Коллаж, 13.45 «Алмазный пояс». Тел. худ. фильм (2-я серия), 13.50 «Паганини». Фильм-балет, 14.15 Премьера тел. док. фильма «Портрет», 15.45 концерт музыкального фольклора Казахстана, 17.15 Здоровье (с сурдопереводом), 18.45 Джаз-кульвер, 20.30 Вести, 22.00 Со своей колоюльни, Г. Санкт-Петербург, 22.15 концерт, 00.15 Хоккей. Чемпионат СССР. ЦСКА — «Прылья Советов», 2-я и 3-я периоды.

Суббота, 19

9.05 «В мире фольклора». Незвестные культуры, 9.50 «Зачем Самаре монастырь». Видеофильм Самарского телевидения, 10.45 «Ревю-кавказ», 11.30 видеоканал «Плюс одиннадцать», 13.30 «Портной». Док. фильм, 14.20 «Напишу тучу и дождь». Аудиокнига Е. Новоселов, 14.40 Камера исследует прошлое. «Штрафники», док. фильм, 15.20 Епископ Подольский Виктор, Д. Лихачев, С. Ямщиков в программе «Угол Правды и имского поля», 20.30 Вести, 21.05 Политотдел, 21.30 программа «А»: «Авант», «Арт» кафе, 23.30 Вести, 23.50 Баскетбол. Международный турнир «Мак-Дональдс». Передача из Франции.

Воскресенье, 20

9.05 «Музыка на улице», 9.30 Программа для детей, 10.35 «Козьма Минин. Последовие к судьбе», 11.05 «Из Америки с любовью», 11.50 Святое и вечное, 12.10 «Искусство колокольного звона», 12.50 Худ. фильм, 14.30 Мультфильм, 14.40 Шедеврика для всех, 15.40 «Один на один при свидетелях». Встреча с И. Понаровской, 16.30 Док. экран России, 17.30 Капитал. Тележурнал, 18.00 «Мы все из одного мира». Международный театральный проект «Орестея», 19.30 Парламентский вестник России, 19.40 Лосевские беседы, «Арбатская академия». Передача 2-я, 20.30 Вести, 21.05 Благотворительный концерт с участием Лины Мартин, 21.50 Док. фильм, 22.50 Бенефис писателя А. Трушкина, 23.25 Реклама, 23.30 Вести, 23.50 К-2 представляет, 00.35 Баскетбол. Международный турнир «Мак-Дональдс». В. ВАНИЮШИН.

II октября 1991 г.

6

ДАЙДЖЕСТ «ВЗГЛЯДА»

В БОРЬБЕ ПРОТИВ БЕСПЛОДИЯ

Недавно в Грузии и Узбекистане побывал израильский профессор Иосиф Шенкер, возглавляющий отделение акушерства и гинекологии при университетеской больнице «Хадасса» в Иерусалиме. В интервью газете «Джерузалем пост» он сообщил, что Израиль поможет местным врачам освоить современные методы предотвращения бесплодия и повышения рождаемости. Национальные меньшинства, населяющие СССР, стремятся, по-видимому, увеличить свое население, поскольку понимают, что это дает им большее влияния в новом демократическом Союзе.

Все заключенные соглашения носят неофициальный характер, поскольку министерства здравоохранения и иностранных дел в них не участвовали. Местные гинекологи приедут на учебу в больницу «Хадасса», а группы израильских медиков отправятся в СССР.

Российские окраины были начисто отрезаны от достижений передовой западной медицины. Шенкер привез

для узбекских и грузинских врачей специальную литературу на английском языке, которая будет использована ими для информации и в качестве учебных пособий.

Шенкер провел в СССР двадцать дней. Положение там, по его словам, неустойчивое и тревожное. В больницах и институтах оборудование примитивное и устаревшее. Есть, правда, и современные дорогие аппараты, но из-за отсутствия гарантированного обслуживания многие из них выходят из строя и подолгу простаивают без дела.

Во всем Советском Союзе только три центра оплодотворения «в пробирке» — два в Москве и один в Тбилиси. В Израиле их, кстати, шестнадцать. Из-за остального дефицита противозачаточных средств многие советские женщины не меньше десятка раз за свою жизнь подвергаются абортам, что очень пагубно скажется на их здоровье и делает многих бесплодными.

(«Наша страна»).

«МОТКЕ-ГАНЕВ»

В театре на идише премьера — новый музыкальный спектакль «Мотке-вор» («Мотке-ганев». Инсценировку рассказа Шолома Аша, написанного в начале века, сделал Силик Штрайнфельд.

Практически вся алия из Восточной Европы так или иначе связана с культурой идиша, с языком идиш. Последние семь-восемь десятилетий мы только утрачивали наши идишистские корни. В России их у нас отнимали, а в Израиле отцы основатели и их дети сами отказывались от них. В этом одна из идей сионизма — мы строим новое государство, создаем новую культуру, идиш — язык рабства, его необходимо забыть. Так утрачивалась одна из самых интересных, колоритных культур. Сегодня у тель-авивского Театра на идише, которым руководит Шмуэль Ацмон, появился новые перспективы и новые надежды. Пришло новое молодое поколение израильтян, и вливается алия из России, которая не утратила традиции и языка. Они-то и создали идишистский спектакль «Мотке-вор». В главной роли Ина Заэр, говорящий на идише без малейшего акцента.

Поставил спектакль Лев Рахлин, в прошлом ленинградский режиссер. Музыку написали Владимир Габай и Михаэль Вайнман, также репатрианты из России. Хореограф спектакля — Валентин Манохин, в недавнем прошлом известнейший советский танцовщик и балетмейстер.

А сюжет таков. Мотке, преступник, сбежавший из тюрьмы, скрывается в бродячем еврейском цирке. Влюбляется в примадонну. Вместе они убегают в Варшаву.

(«Пятница»).

«ЛАДА» В ИЗРАИЛЕ

Вскоре будет наложен импорт в Израиль советских автомобилей «Лада».

В беседе с корреспондентом газеты «Время» технический эксперт компании по импорту автомобилей «Лада» Биньямин Манский сообщил, что ведутся переговоры о демонстрации «Лады» в автомобильном салоне Тель-Авива и о создании гаражей для технического обслуживания этой модели.

На первом этапе в страну будут доставлены всего несколько сотен «Лад». Компания обязуется обеспечить клиентов запчастями и надлежащими инструкциями относительно эксплуатации «Лады».

Биньямин Манский отметил, что стоимость советских автомобилей будет значительно ниже цен на автомобили европейских марок.

Уже через две недели в страну будут доставлены 5 автомобилей этой модели для прохождения техосмотра у специалистов министерства транспорта. Если окажется, что «Лада» отвечает утвержденным министерством стандартам, то будет выдана лицензия на ее импорт.

(«Время»).

Читателей Христианской выездной библиотеки, задерживающих книги, просим сдать их или обменять на другую литературу.

Мы работаем по-прежнему каждую субботу с 11.00 до 13.00 на городском рынке.

С уважением к Вам работники библиотеки.

Семья Селиных сердечно благодарит всех, кто принимал участие в спасении жизни нашего сына

САШИ СЕЛИНА.

Мы благодарны всем, кто помог проводить нашего сына в последний путь. Вечная ему память, а вам, Люди, низкий поклон от родных и близких.

Не забывайте Сашу и помните о тех, кто еще нуждается в человеческом участии.

Валентина и Николай СЕЛИНЫ.

▲ Учредитель — Еврейский областной филиал ФСИ СССР.

▲ Сознательники — предприниматель «ЕвроИнко» и кооператив «Легковик».

▲ Над номером работали Леонид ШКОЛЬНИК (редактор), Александр ДРАБКИН.

▲ Общественная редакция «Взгляда» — Николай АДУШЕВ, Александр БЫШЕВСКИЙ, Александр КОТЕНКОВ, Павел КУЗЬМИЧЕВ, Анатолий МАРКЕВИЧ, Иосиф НЕХИН, Рубен ШИРИНЯН.

▲ Адрес редакции: 682200, Биробиджан, а/я 77.

▲ Тираж 2500 экз.

▲ Цена номера — 50 коп. За точность цитат, фактов и цифр несет ответственность авторы публикуемых материалов.

▲ «Взгляд» отпечатан в а/п «Типография № 3».

▲ При перепечатке ссылка на «Взгляд» обязательна.